

*Горька судьба поэтов всех времён;
Тяжелее всех судьба казнит Россию...*

Вильгельм Кюхельбекер.
Участь русских поэтов, 1845

Среди хорошо известных произведений писателя Всеволода Иванова о гражданской войне (“Партизаны”, 1921; “Бронепоезд 14-69”, 1922, 1927; “Дитё”, 1922 и др.) о тайнах души человека и жизни пореволюционной деревни (книга “Тайное тайных”, 1926), о странствиях факира “Сиволода” в поисках загадочной Индии (“Похождения факира”, 1935; “Мы идём в Индию”, 1955) есть роман, опубликованный только после смерти писателя, в 1965 году и сравнительно мало известный исследователям. Это “Эдесская святыня”. Написанный в 1946 году и не публиковавшийся при жизни Иванова, он неожиданно оказался востребован современной читательской аудиторией. “Стилизованный под сказку арабского Востока, роман рассказывает о средневековом Багдаде. Но не только, – комментирует читатель. – Я был просто поражён, как много сумел вложить автор в небольшую, в общем-то, по объёму повесть, написанную, повторюсь, скуповатым, но очень ёмким, порой взрывчато ярким языком. За одно это произведение он заслуживает звания классика отечественной литературы” (отзыв от 3 сентября 2016 года)¹.

В год 125-летия со дня рождения Всеволода Иванова – как известно, юбилей писателя немало способствует новому прочтению и осмыслению его творчества – нелишним будет вновь обратиться к роману “Эдесская святыня”. По воспоминаниям вдовы писателя Т. В. Ивановой, роман писался “два месяца напряжённо, неотрывно” и был окончен спустя месяц после “постановления о Зоценко и Ахматовой. <...> Всеволод очень болезненно переживал это известие, успокоиться не мог, страдая за Зоценко”². Постановление о журнале “Звезда” и “Ленинград” было принято 14 августа 1946 года, 15 и 16 августа секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Жданов выступал с докладами в Ленинграде, объединённая стенограмма их была опубликована в “Правде” 21 августа. А 11 сентября 1946 года Иванов закончил роман “Эдесская святыня”: “Так жил и умер поэт. // Он жил и умер в блистательном Багдаде во времена халифа ал-Муттаки-Биллахи, да будет прославлено имя его! Он умер, но он и жил”. Песням поэта, однако, уготована долгая жизнь. Воинственные – воскресают во время “великой войны с византийцами”. А песню о возлюбленной, в которой

“упоминается судьба, кривая, как нож”, люди помнят ещё тысячу лет, хотя имя поэта “давно забыто”³.

М. М. Зощенко был “серапионовым братом” Иванова, дружеские связи, сложившиеся в 1921 году в Петрограде, поддерживались и впоследствии. С А. А. Ахматовой Иванов также был знаком ещё по Петрограду начала 1920-х годов. Логично предположить, что трагический финал “Эдесской святыни” был навеян современной ситуацией в литературе и политике. Как и основная сюжетная коллизия: поэт и власть. Но “не только”, как справедливо отметил читатель. Не случайно Т. В. Иванова увидела в романе “много психологическо-автобиографического”⁴.

В основу сюжета всех трёх редакций романа “Эдесская святыня”, действие которого происходит в 944 году, положен реальный факт из истории византийско-арабских отношений: “Эдесский Убрус (Нерукотворный Спас, Мандиллий) – изображение Иисуса Христа на полотнце (убрусе, мандилии), согласно легенде, сложившейся не ранее VI века, посланное Спасителем правителю г. Эдесса Абрагу V Ухаме (4 год до Р. Х. – 7 год от Р. Х. и 13–50 годы), известному в апокрифах как Авгарь Чёрный. <...> Образ хранился в Эдессе до середины X века, когда он был торжественно перенесён в Константинополь... <...> Эдессцы расстались со святыней в 944 году под угрозой уничтожения города во время его осады византийцами в правление императора Романа I Лакапина (920–944)...”⁵. Об этом Иванов, очевидно, знал из исторических книг, им изученных. Структурообразующей сюжетной линией романа “Эдесская святыня” и становится перенесение Убруса из Эдессы в Константинополь, караван, посланный в Эдессу по приказу арабского халифа, отправляется из Багдада. Начальником каравана становится Махмуд иль-Каман – оружейник и поэт, в судьбе которого с самого начала тесно переплетены поэзия и политика – “государственные соображения” (с. 226). Духовный путь героя-поэта метафорически передан в романе образом дороги из Багдада в Константинополь.

Неторопливо, с восточным орнаментализмом ведёт Иванов рассказ о сыне багдадского оружейника мальчике Махмуде, проявлявшем “изумительную ловкость и разумение” (с. 191) в отделке ножей, о его учителях – кади Ахмеди и законнике Джелладине, его первых опытах в поэзии: “Поэт жил в блистательном Багдаде во времена халифа ал-Муттаки-Биллахи – да будет прославлено имя его! – и стихи были о силе Багдада и о силе халифа, законного имама пророка, меча правоверных” (с. 193). Смерть отца от руки византийцев рождает в душе Махмуда желание мести, и поэзия, по его мнению, играет не последнюю роль в сложных отношениях между государствами: “Заботящийся о вере и мести за веру, я хочу быть лучшим поэтом! Не затем, чтобы низко лстить халифу и быть плетевидным, подобно плещу, а во славу пророка” (с. 194). В его жизнь приходит любовь к пленной русской княжне Дажье, он сочиняет стихи о любви, однако “любовь, как поётся в песнях, – цветок. <...> Но всё же, сколь ни мил цветок, – это флора небольшой местности. Его цвет, его букет цветов – меч, обнажённый в защиту халифа!” (с. 203). Дажья умна, разбирается в политике; она рассказывает Махмуду о стране Русь, князе Игоре и о сложной политической игре, которую ведут Багдад, Русь и Византия. Именно она учит Махмуда “придворному поведению” (с. 216) на государственном совещании у багдадского визиря, посвящённом Эдесской святыне. “Придворное поведение” и речь Махмуда, наполненная хитростью, не свойственной его сердцу, но вызванной “государственными соображениями” (с. 226), нравится визирю – поэт награждают и делают начальником конвоя, отправляющегося в Константинополь. Уезжая и прощаясь с возлюбленной, поэт сочиняет песню “Я приду к тебе!”, которую начинает петь “весь Багдад” (с. 227). Трагическое завершение судьбы поэта напрямую связано с теми же “государственными соображениями”: вовлечённый в сложные политические интриги между Багдадом, Византией и Русью, поэт, обласканный правителем, на очередном государственном совещании допускает ошибку, которая стоит ему жизни. Во время приёма послов в Багдаде Махмуд в своих стихах “воспел Багдад, но ему и в голову не пришло, что пора припугнуть византийцев. Ему казалось, что он научился придворному обращению в Константинополе, и он забыл, что сердце поэта – самый правильный сборник церемониала” (с. 279). Путь героя, полный заблуждений, ошибок и прозрений, завершается в романе трагически.

Однако на этом творческая история романа “Эдесская святыня” не заканчивается. В середине 1950-х годов Иванов вновь возвращается к нему и не оставляет работы вплоть до конца жизни. 1956 годом датируется машинопись второй редакции с условным заглавием “Коварная Эдесса” (хранится в семейном архиве). В кабинете Иванова в Москве после его смерти в 1963 году остались карандашные наброски к роману, относящиеся к третьей редакции (хранятся в НИОР РГБ, 134 лл.). Очевидно, об этой редакции идёт речь в дневниковой записи Иванова от 19 февраля 1962 года: “А в голове опять “Эдесская святыня”, ах, если бы я мог с ней развязаться! Теперь её почему-то шарахнуло в сторону Православия и прославл<ения> византизма”⁶.

Параллельно с мыслями о переделке “Эдесской святыни” Иванов задумывает роман “Поэт”; сюжет будущего романа, как он представлен в дневниковой записи от 16 января 1956 года, таков: “...размышления о Поэте. Всё больше убеждаюсь, что сюжет готов, но семейный, а нужно не только семейный, государств<енный>”⁷, — перекликается с романом “Эдесская святыня”. На связь двух замыслов писателя указывает и то, что среди карандашных набросков к “Эдесской святыне” есть запись к роману “Поэт”: на обрывке листа заглавие “Поэт” перечёркнуто, вместо него вписано “Эдесская святыня”, далее следует текст: “...Поэт написал и напечатал в 1925 году одну книгу стихов, ушёл на производство в 1-ю пятилетку, увлёкся этим — и долго не мог оторваться, чтобы написать новую книгу”⁸.

В это же время, в середине 1950-х годов Иванов всерьёз обращается к мемуарному жанру: создаётся “История моих книг” (впервые: “Наш современник”. 1957. № 3; 1958. № 1), задуман цикл очерков “Портреты моих друзей”. По первоначальному недатированному плану, в цикл должны были войти очерки о поэтах и писателях, с которыми Иванов был дружен в Сибири, — о К. Худякове и А. Сорокине, и впоследствии в Петрограде и Москве — о Б. Пильняке, А. Афиногенове, С. Есенине, К. Федине, Б. Пастернаке, А. Ахматовой. Написаны были очерки о Худякове и Сорокине (впервые опубликованы посмертно: “Звезда Прииртышья” (Павлодар). 1964. 4, 5, 7 и 8 января. Там же. 25, 28, 29, 31 января и 4 февраля). Очерк о Есенине остался незавершённым (впервые посмертно: Иванов В. С. Переписка с А. М. Горьким. Из дневников и записных книжек. М., 1969).

Во всех этих текстах интересующая Иванова тема “поэт и политика” если и появляется, то в крайне смягчённом, порой вовсе далёком от реальных обстоятельств виде. Рассказывая о своей жизни в 1919 году в колчаковском Омске, о сотрудничестве во фронтовой газете “Вперёд”, главным редактором которой был полковник В. Г. Янчевецкий (впоследствии известный как писатель В. Ян), политических настроениях того времени, Иванов многое недоговаривает или утаивает⁹. То же самое можно увидеть и в портретах близких ему сибирских поэтов того времени. Например, в очерке “Кондратий Худяков” Иванов рассказывает ещё об одном близком ему поэте — Юрии (настоящее имя Пётр) Сопове, который, “будучи мобилизован во времена колчаковщины, как человек со средним образованием попал в юнкера, а затем, уже офицером, — в охрану Колчака”:

“...когда я перед бегством из Омска, имея на руках фальшивый паспорт, предложил ему устроить такой же, он печально улыбнулся и сказал:

— Может быть, нам и не нужно бежать, а это наваждение само убежит от нас?

Наваждение убежало. Но оно унесло с собой и превосходный, очень оригинальный поэтический талант Сопова. Хотя он печатался в кадетской газете, не помню, как её называли, но он не выступал с политическими стихами или, во всяком случае, с малым их количеством”¹⁰.

Среди поэтического наследия Юрия Сопова действительно не так много политических стихов, но дошедшие до нас и, безусловно, известные Иванову, не позволяют утверждать, как писал в очерке автор, что “мировоззрение молодого человека, печатавшегося в “Известиях” (имеются в виду “Известия Омского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов”. — Е. П.), не изменилось”. Приведём, например, строки из стихотворения “Призыв”, написанного в связи с созданием в Сибири в 1919 году в составе Русской (колчаковской) армии добровольческих Дружин Святого Креста, призванных бороться с антихристами-большевиками:

*Топчут светлые конники
Поволжских равнин траву...
Вас, в бессмертье влюблённые,
Зову в золотую Москву.
Время гнева исполнилось
В девятьсот девятнадцатый год.
Вижу на небе молнии.
Зову в Крестовый поход¹¹.*

Отметим, что и в охране А. В. Колчака, к которому восторженно относились многие представители тогдашней омской интеллигенции, Сопов, судя по всему, оказался добровольно¹².

О самом Худякове, крестьянском поэте-самоучке, к которому в 1913 году Иванов относился “как к учителю, который должен <...> научить тайнам поэзии”¹³, автор очерка пишет:

“В конце 1919 года, после разгрома колчаковщины, Худяков был на некоторое время, недели на две-три, кажется, арестован органами курганского ЧК. Во время колчаковщины он печатал свои стихи в кооперативных журналах и газетах. Стихи эти были лирические, конечно, арест был простым недоразумением...”¹⁴

И эта характеристика далека от истины. К. К. Худяков был членом партии социал-революционеров (эсеров), секретарём курганской партийной газеты “Земля и труд”, в которой после падения первой советской власти в Сибири и пришествия к власти Временного Сибирского правительства печатались отнюдь не лирические стихи поэта:

*...Революция в буйном теченье
Всё уносит: труды и закрепы...
И уходят в пучину забвенья —
Совнаркомы... Цекомы... Совдепы...¹⁵*

Очерк-портрет о Есенине, с которым Иванов подружился в Москве осенью 1923 года и вместе с которым планировал работу в журнале “Вольнодумец” и альманахе “Поляне”, писатель и вовсе не закончил. Судя по сохранившемуся в архиве плану, будущий текст не включал в себя политических проблем:

Есенин — поэт должен жить необыкновенно.

- а) Кабак, цилиндр.
- б) Очередь в Гослитиздате.
- в) <2 нрзб>. “Едем в Рождественское”
- г) Как он работал?
- д) “Дуэль”.
- е) На извозч. в бобровой шапке¹⁶.

Хотя очевидно, что таковые имелись, и свидетельство тому, например, известное письмо писателей-попутчиков в отдел печати ЦК РКП(б) от 9 мая 1924 года, подписанное И. Бабелем, М. Волошиным, С. Есениным, М. Зощенко, Вс. Ивановым, С. Клычковым, О. Мандельштамом, Б. Пильняком, М. Пришвиным и другими писателями: “...мы протестуем против огульных нападков на нас, — утверждали писатели, считая недопустимым “тон таких журналов, как “На посту”, и их критику, выдаваемые притом ими за мнение РКП в целом. <...> Мы считаем нужным заявить, что такое отношение к литературе недостойно ни литературы, ни революции и деморализует писательские и читательские массы”¹⁷. От письма 1924 года и связанных с ним идеологических противоречий в очерке осталось только упоминание РАПП в соответствующем контексте: “РАППовцы считали себя вправе распоряжаться не только мыслями Есенина, но и чувствами его — он смеялся над ними, и ему была приятна мысль вести их за собой магией стиха”¹⁸.

К середине 1956 года, когда Иванов берётся за переделку романа “Эдесская святыня”, никого из упомянутых поэтов уже нет в живых. Сопов погиб в 1919 году при взрыве в резиденции Колчака. Худяков умер в 1920-м от тифа.

От тифа зимой того же страшного года, уматного сибирякам отступлением и гибелью огромной колчакской армии, умер ещё один близкий Иванову человек и поэт, убеждённый сторонник “белой идеи” Георгий Маслов, строфы из стихов которого попадут в начале 1960-х годов в сценарий к так и не снятому на киностудии “Мосфильм” фильму “Бронепоезд 14-69”¹⁹. Есенина не стало в 1925 году. Думается, размышления о судьбах своих современников, да и о своей собственной судьбе, и побуждают Иванова многое изменить в произведении о поэте и государстве. К тому же роман на историческую тему открывает писателю гораздо больше возможностей высказать открыто свои мысли о проблемах современности.

Уже начиная с первой страницы новой редакции “Эдесской святыни” видно, что Иванов стремится усилить и подчеркнуть вопросы внешней и внутренней политики. Сравним.

1-я редакция:

“Отец поэта выделял превосходные кривые ножи, какие ковал и дед отца, и прадед. Оттого земля дома ремесленников иль-Каман от непрерывного поступления угля и сажи стала несравненного чёрного цвета. Однако и на эту прокопченную землю зарились богачи, раскинувшие вокруг мастерской оружейника свои сады, увеселительные беседки и влажные фонтаны” (с. 191).

2-я редакция:

“Он был оружейником и жил в Багдаде во времена, когда Византийская империя казалась могущественнейшей и непобедимой; когда Киев был столицей княжества, славного не столько обширностью своих владений, сколько воинственностью и храбростью воинов; когда Москвы совсем не было и на московских холмах бродили медведи, а у подножья холма возле реки, перед песчаной отмелью, стояла небольшая деревня в пять-шесть дворов”²⁰ (л. 1).

Помимо трёх государств — Багдада, Руси и Византии, сложные отношения между которыми определяют судьбу героя, — в главе “Рыбаки уносят сети” появляется ещё одно — Болгария, куда направляется с предложением “уговорить болгар пойти вместе с князем Игорем на Константинополь” (л. 57) новый персонаж романа — норманский витязь Свавольд. Расширяется и усложняется и спектр религиозных проблем романа, уже в первой редакции которого жизнь ставит Махмуда перед сложными вопросами разных вероисповеданий. “Если ты мусульманин, зачем тебе христианская святыня? — спрашивает Махмуда Даждю, и кроме слов: “Что ты понимаешь в Коране? Ты языческой веры...” (с. 210) — Махмуду нечего возразить ей. Во второй редакции речь идёт о Болгарии, где, по словам Свавольда, утверждается новая религия — богомилство: “Богомилы требовали, — а иногда и добивались, — простой, скромной жизни не только для народа, чего нетрудно добиться, но и для клира. Они часто постились, воздерживались от громких криков и смеха, называли друг друга братьями, а некоторые из них требовали общности земли и даже имущества” (л. 58). К этой вере, как и к античной вере в “идолов”, как и к христианству пустынных — “святых старцев”, вышедших встречать караван в долине Евфрата (л. 82), — как и к политическим интригам, в которые он невольно оказывается вовлечён, поэту Махмуду предстоит определить своё отношение.

И отношение это сложное. Поэта одолевают сомнения в, казалось бы, незыблемых истинах. Перед героем встаёт слишком много вопросов, на которые он не знает ответов:

“— Я умираю. Слово усыпленный, я вижу лишь Даждю, а за ней — улыбающийся убрис. Жгучее беспокойство терзает меня. Неужели витязь Свавольд увезёт Даждю? Я хочу в Багдад, кади, хочу в Багдад! Где гонцы халифа? Почему мы ничего не знаем о Багдаде? И почему нас не выпускают из Константинополя?” (л. 124).

В сознании и мучительных снах героя тесно переплетаются его частная жизнь, любимая жена и сын, и та политическая роль, которую он должен выполнять:

“Махмуду снился сон. Он видел Даждю на коне Джелладина. Маленький Ахмед, толстогубый, круглоголовый, черноглазый, бежал рядом с седлом,

не отставая. А позади Дажды, на фоне гор из песчаника, видна была процессия с убрусом. Горы под лунной, скользящей среди туч, — синим-сини. Дует ветер, и пламя огромных восковых свечей отклоняется, и видны расходящиеся пятна света — луны и свечей одновременно, падающие то на камень, то на голову отца Павла, то на длинные посохи, на которые опираются монахи. Золотые кисти балдахина кажутся слитками золота, и ветер их двигает осторожно, точно пробуя их тяжесть” (л. 134).

Герой-поэт в романе “Коварная Эдесса” мыслит и чувствует иначе, чем Махмуд иль-Каман в романе “Эдесская святыня”. Если в первой редакции романа он был убеждённым “правоверным”, твёрдо знающим, что на его родине, в Багдаде, жизнь устроена разумно и правильно, то во второй его терзают сомнения и тоска, причины которых не всегда ясны читателю.

Различаются и судьбы героев двух редакций романа Иванова. В отличие от первой, где Махмуд возвращается в Багдад, совершает ошибки и погибает, во второй герой остаётся в Константинополе и наблюдает, как когда-то Вс. Иванов в Сибири, череду правительств Византии, сменяющих друг друга; при этом ни одно из них не вызывает у народа доверия. В реальном Омске в период 1917–1920 годов это были Временное правительство, Советская власть, Временное Сибирское правительство, Директория, Российское правительство А. В. Колчака и вновь Советская власть. Тогда, в 1918 году друг Иванова поэт Ю. Сопов задавал роковые вопросы:

*Какому Богу молиться?
По какому пути идти?..
То, что в России творится,
Где ещё можно найти?
Факел знанья потушен.
В цепи заковано слово.
Храм свободы разрушен.
Распята правда снова.
Всё святое забыто.
Стала мифом свобода.
Топчут в пыли копыта
Волю всего народа.
Ужаса чёрная птица
В жилах кровь леденит...
Какому Богу молиться,
По какому пути идти?..²¹*

Во второй редакции “Эдесской святыни”, в финале заключительной главы “Убрус возвеличивает верующих”, поэт Махмуд становится свидетелем того, что император Роман низложен, новые кесари, его сыновья, также арестованы, воцаряется император Константин. Политические перемены ни у кого из героев не вызывают надежд на лучшее, а лишь увеличивают количество безответных вопросов. На последней странице романа учитель Махмуда кади Ахмед открывает книгу нового императора и восклицает:

“Я-то думал почерпнуть в ней военные тайны, которые и передал бы, под видом мною собранных, Джелладину. Ничего там нет. О, хитрость! О, лукавство! О, Византия! Он сообщает в своей книге сведения об империи, относящиеся ко временам императора Юстиниана, другими словами, за четырёхста лет до наших дней. Если так хитрит человек науки, то как же хитрят здесь люди политики? Кто тут истинно верующий и в кого они верят?

— В золото, — ответил Махмуд.
— Ты прав. В Багдаде у нас по-другому.
— В Багдаде? — задумчиво спросил Махмуд. И он повторил: — В Багдаде?” (с. 136).

Роман Иванова в этой редакции завершается очередным вопросом, на который ни поэт Махмуд, ни автор не дают ответа.

Нетрудно увидеть в историческом романе Иванова переключки с современностью. Государства, о которых идёт речь, — древние Багдад, Византия,

Болгария и Русь, — несомненно, имеют связи с реальными государствами середины XX века. Встречаются и отсылки к разным периодам позднейшей истории Европы, в том числе и к периоду Второй мировой войны. Так, рассказывая о витязе Свалольде, “норманне, викинге или, как их называла Русь, варяге” и о его познаниях в искусстве, Иванов замечает:

“Правда, влекомый страстями, он иногда сбивался с пути поклонения искусству и уничтожал подлинные сокровища, но что поделаешь? Он ведь жил в отсталые времена и был воином. Так, например, на острове Мэн в Ирландии он ни с того ни с сего сжёг несколько десятков общественных зданий, украшенных высокоценными статуями и редкой резьбой. Он стёр с лица земли города Нортумберии и Мерсии с их храмами, живописью и чудесными бронзовыми украшениями, равно как такие же прекрасные города на Сене, Луаре, Рейне... <...> Да что вспоминать!...” (л. 96).

Переклички с современностью имеют и разные “веры” — упомянутые в романе религии. Как в 1920-е годы, когда слова “старая” и “новая вера” в произведениях С. Есенина, Н. Клюева, С. Клычкова и Вс. Иванова (повесть “Бегствующий остров”, 1926) имели символический смысл и связаны были не столько с расколом XVII века, сколько с наблюдаемым ими в пореволюционной России “расколом” традиционной жизни народа, так и десятилетия спустя, в 1950-е годы, рассказывая о религиях разных стран, Иванов имеет в виду не столько их, сколько идеологические расхождения между различными реальными государствами. Дневник писателя периода Великой Отечественной войны и послевоенного времени показывает, что он много думал об этом. И это размышления человека, много повидавшего и в эвакуации в Ташкенте в 1942 году, и на Орловско-Курской дуге в 1943 году, и при взятии Берлина в 1945 году. Приведём несколько записей:

“Сообщение о боях под Волховом. Мы-то ничего не знали о них. И теперь пойми, кто врёт и кто говорит правду. Вообще информация, если она в какой-то степени характеризует строй, то не дай бог, — ужасно полное неверие в волю нашу и крик во весь голос о нашей непоколебимой воле (1 июля 1942)”²².

“...наши идеи состарились. Не из-за боязни перед Америкой мы говорим о России, <...> о Родине даже, о славянах, почти умалчивая о социализме и коммунизме. Что же нужно, чтобы идеи ожили? Омоложение! Оно возможно при том условии, если будут найдены новые формы, новые слова, при которых эти состарившиеся идеи заиграют. Почти можно быть уверенным, что в результате войны где-то в одной из стран, а может быть, и в двух вспыхнет советская республика. И также можно быть уверенным, что она заговорит иными словами, чем мы сейчас, чем мы раньше (8 сентября 1942)”²³.

“Когда немцы нас бьют, они кричат, что бьют русских, потому что бить советских не так лестно. Когда немцев бьют наши, они кричат, что их бьют советские, так как это и страшно, и необычайно. — Мы, кажется, поступаем вроде них. Когда нас бьют, мы кричим, что гибнет Россия и что мы, русские, не дадим ей погибнуть. Когда мы бьём, то кричим, что побеждают Советы, и хотя мы не проповедуем советской власти во всём мире, но всё же... от этих намёков у наших союзников мороз идёт по коже и морды цепенеют, так что их приходится уговаривать, что мы, де, не желаем никому советской власти, кроме самих себя (8 февраля 1943)”²⁴.

“И вот Человек всем сердцем признаёт новый Закон! Естественно, что Закон растёт, делается всё неумолимей, мощней... <...> В итоге — нечто фаталистическое, приговор — краткий, точный, исполнение — положительное и быстрое. Закон отступает только перед сумасшедшими и сильно больными... <...> Итак, Закон и никакая распутица, все дороги известны и указаны... А как быть с Человечком, который хочет хотя бы небольшой, но лежащей за дорожкой Закона свободы? И вот, чем строже Закон, чем он неумолимей и точней, тем больше человек начинает мечтать о свободинке, даже не отдавая отчёта, что она из себя представляет. И толпами уходит к больным, сумасшедшим, болезненным, тощим (28 декабря 1946)”²⁵.

Можно предположить, что ответ на свои сомнения и вопросы писатель пытается найти для себя и в каком-то смысле для поэтов своего поколения в третьей редакции “Эдесской святыни”, где связь политики, веры и судьбы поэта ещё более подчёркнута: “Халиф заигрывает с россами, которые ему не столь важны, как болгары, дружащие с россами”²⁶; “Русские хотят использовать Сваловльда в качестве человека, ведущего переговоры с Византией. То, что он возвратится из Багдада, испугает византийцев”²⁷. И т. п.

И ответ этот нерадостный.

Наброски к этой редакции датируются началом 1960-х годов. В третьей редакции в судьбе поэта меньше акцентируются совершённые им ошибки (“придворное поведение”), на первый план выходит его бессилие среди политических интриг и религиозных споров. Он слишком многое понимает, но ничего не может сделать, и оттого страдает и тоскует:

“Махмуд грустил. Он видел, что убрус не только ему не давал забвения, но ни на йоту не уменьшил страдания всего огромного города, и, по-видимому, всей империи”²⁸.

В ярких описаниях несправедливо устроенного общества Византии можно найти отсылки ко многим политическим реалиям середины XX в.:

“В то время как вокруг царили преступления, пытки, лжесвидетельства, нищета, глашатаи на площадях, равно как и подосланные рассказчики в кофейнях, утверждали, что над Византией — безоблачное небо, вокруг, как и в ней, плещет благоденствие, и было бы ещё лучше, кабы не набеги варваров и пиратов, из-за которых Византии приходится строить много кораблей, готовить дорогостоящий всевоспламеняющий “огонь”, и что в Византии всего этого нет, а всё это есть лишь у сарацин и больше ни у кого. <...> Поборы стали так велики, что даже император Роман издал закон в защиту крестьян, которых чиновники, завладевшие крупными участками земли, грабили беспощадно. <...> крестьяне разбежались, поля оставались незасеянными, голодная армия начала роптать.

Слово человека было задушено. Повторяли только то, что говорил сам кесарь. К счастью, кесарь был болтлив, говорил о чём попало, и у него было достаточно мыслей, чтобы люди без особого напряжения говорили бы друг с другом. Кесарь слегка заикался, и Махмуд вдруг увидел с крайним удивлением, что весь Константинополь заикается. Он не желал ссориться со всем городом и тоже стал говорить с лёгким заиканием, и, странное дело, это доставляло ему даже некоторое удовольствие”²⁹.

К сожалению, родина поэта — в романе это Багдад — в плане политики мало отличается от Византии и других стран:

“По мере того как Махмуд лучше стал понимать греческий язык <...>, он узнавал там <в Константинополе. — Е. П.> странные мнения Базара об арабах. Утверждали, что арабы и с большим удовольствием съедают пленных, <...> что покорённые народы ограблены и изувечены, должны постоянно работать на арабов; что за малейший протест сажают в клоповники; что храмы превращают в конюшни, а училища — в непристойные дома; что на родном языке разрешается лишь высказывать славу халифу, а с любимой, если она не понимает арабского, изволь объясняться знаками. Так думали об арабах не только невежественные люди Базара, но и образованные византийцы. Во всём этом, если вдуматься, была некоторая доля правды. Но беда была в другом: <...> всё, что говорилось в Константинополе об арабах, в Багдаде утверждали о византийцах и на базаре, и среди людей образованных. Голова у Махмуда шла кругом”³⁰.

Собственно, все представленные в романе государства мало различаются между собой:

“Отношение к вещам в Багдаде, Византии, Риме. Все три страны, вернее, их правительства, стремятся к тому, чтобы создавались орудия войны, наилучшие: оружие, корабли, невольники. Они выпытывают друг у друга — кто, как и чем это делает?”³¹.

Ключевым для авторского понимания назначения и судьбы поэта является диалог Махмуда с отцом Павлом об Эдесском убрусе:

– Ты говоришь, он даёт забвение прошлого?

– Да.

– Почему же он мне <не> дал забвения, а, может быть, усилил отрицание?

– Не знаю.

– Я пробовал описать сладость этого забвения в песне, получилось едва ли десять строк, и то посредственных. Другие мои песни значительно лучше.

– Ты поэт?

– Да.

Отец Павел улыбнулся.

– Теперь я понимаю, почему тебя не посетило забвение. Зачем оно поэту?

– Я страдаю.

– Ты и должен страдать. Это твой удел, твоя жизнь.

– Но ты же утверждаешь, святой отец, что он жалеет людей.

– Людей – да, поэтов – нет.

– Разве поэты не люди?

– Нет.

– Выше?

– Не выше, не ниже. Они – страдание. Чудовищное, непрерывное страдание, болезнь мира. Они – вещи. Они видят позади, вокруг себя, в будущем. Они приняли на себя все страдания людей, и оттого другие хоть минуту могут быть счастливы; они же несчастны всегда, даже тогда, когда утврждают, что счастливы.

– Бог знает, что ты говоришь! Кажется, ты хочешь передать поэту страдание. Уговорить меня принять его во имя того, чтоб неск<олько> люд<ей> жили.

– Да, жизнь в будущем оплачивается дорого³².

Окончиться третья редакция романа Иванова, судя по наброскам, тоже должна была печально, хотя не обязательно так же трагически, как и первая. Лишь на одном из листов черновика Иванов записывает такой вариант судьбы поэта: “халиф казнит его”³³. Но очевидно, что при любом варианте финала романа сама эдесская святыня, которая становится лишь средством в политических играх, которую крадут, подменяют, отвергают, в чем принимает участие и сам Махмуд, подчиняясь обстоятельствам, никого не спасает от страданий в оставленном Богом мире.

Судьба главного прототипа поэта, писателя Всеволода Иванова, не сложилась безоблачно. Нет, “халиф” не казнил его. Но недоверие начала 1920-х годов к “мужиковствующему попутчику” (определение Л. Троцкого) после книги “чёрных, висельных рассказов” (определение критика И. Гроссмана-Рощина) “Тайное тайных”, где автор обращался к реальным проблемам и изменениям русской жизни и русской души в кризисную, переломную эпоху, переросло к 1930 году в прямые обвинения: “Образ асоциального, порабощённого примитивными инстинктами человека стремительно заполняет всё творчество Иванова, упрощаясь и обезличиваясь до пределов голой схемы. <...> Творчество позднейшего Иванова чуждо социалистической революции”³⁴. Несмотря на активное, казалось бы, участие Иванова в горьковских общественно-литературных проектах 1930-х годов (“История гражданской войны”, “История фабрик и заводов”, “Люди пятилетки”), на деятельность в Союзе писателей СССР, “своим” он так и не становится. 22 мая 1939 года Иванов подводит своего рода итог собственной деятельности 1930-х годов, в основе которой лежали “государственные соображения”: “В “Корчме” Фадеев передал мне слова хозяина: “Иванов себе на уме”. Для того чтобы создавалось такое впечатление, мало чтения книг моих, а много “сообщений”. <...> Весьма странное зрелище быть чужим на собственном пиру. <...> ... я зарегистрирован, хожу, могу говорить речи, меня приветствуют <...>, издают, – и тем не менее чужой! Ужасно невыгодно и для них, – и для меня”³⁵. Начиная с книги “Тайное тайных” растёт количество произведений писателя, которые при его жизни не печатаются. Среди них романы (“Кремль”, “У”, “Вулкан”),

пьесы (“Алфавит”, “Синий в полосу”, “Канцлер”, “Левша”), повести, рассказы (“Фантастический цикл” и др.). При жизни Иванова не публиковался и роман “Эдесская святыня”. Переиздавались только идеологически отредактированные “партизанские повести”, “Встречи с М. Горьким” и роман “Пархоменко”. Новые произведения Иванов писал “в стол”, даже не пытаясь предложить их к публикации. “А всё-таки ужасающая ненормальность, — заставляет Иванов в дневнике 18 января 1956 года. — Я — писатель, более или менее нужный, с именем. Ни один журнал — кроме газет — не позвонит, а чтобы издательство — лет десять не звонило. Что, им важнее всего не издавать меня?”³⁶ Дневник писателя 1950 — начала 1960-х годов уже почти не содержит, как в военное время, неразрешимых вопросов о происходящем в стране. По большей части это краткие записи о событиях дня или развёрнутые — о путешествиях на родину, в Сибирь, которые Иванов, уже тяжело больной, совершал в последние несколько лет своей жизни. О том, что сомнения и вопросы никуда не ушли, свидетельствует, пожалуй, только запись от 20 сентября 1962 года, сделанная в поезде в Красноярске: “Многие констатируют с удивлением, что наша молодёжь охвачена апатией, равнодушием к общественным вопросам. Но молодёжь ли только? Это же самое говорил мой спутник, он утверждал даже, что появились своеобразные “аристократы, князьки”. И опять узенькие брючки! — Дались им. <...> А по-моему, вопрос глубже; апатией затронуты огромные слои населения — это и позволяет всплывать наружу всяческим авантюристам и жуликам, даже и у нас в литературе. Снаружи вроде и шум, вроде и аплодисменты, а на самом деле — апатия, равнодушие”³⁷.

Возвращаясь к роману “Эдесская святыня”, вспомним ещё раз заключительные слова его автора, сказанные о поэте:

“Не будем судить ни его, ни друзей, ни подруги, ни визиря, ни халифа. С тех времён прошла тысяча лет, и имена их давно забыты. Забыты и песни Махмуда иль-Каман, и только иногда молодой араб, укрываясь от жгучего ветра пустыни за холмом, в своём рваном коричневом шатре споёт песню о возлюбленной, которой он ещё не знает, и в песне этой упомянет о судьбе, крикой, как нож, рукоятка которого украшена орнаментом из семи роз, а лезвие — тремя лепестками. Араб поёт, но кем и когда написана песня, он не знает. Да и нужно ли ему знать?” (с. 294).

125 лет прошло со дня рождения писателя Всеволода Иванова. Когда-то, в 1920-е годы читатели на родине и за её пределами восхищались рассказами, “яркими, как сибирские цветы”, и их героями — “лохматыми, травоподобными, земляными людьми”³⁸. Судя по отзывам в интернете, сейчас читаются совершенно другие его произведения.

Песни поэта не забыты.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Электронный ресурс: fantlab.ru. edition 185013. Дата обращения 9 января 2020.
- ² Иванова Т. В. Мои современники, какими я их знала. М., 1987. С. 174 — 175.
- ³ Иванов В. С. Эдесская святыня. Романы, повесть, рассказы, публицистика. Алма-Ата, 1986. С. 294. Далее все цитаты из романа даются по этому изданию с указанием страниц в скобках.
- ⁴ Иванова Т. В. Мои современники, какими я их знала. С. 175.
- ⁵ Византийский словарь / сост., ред. К. А. Филатова. СПб, 2011. С. 505.
- ⁶ Иванов В. С. Дневники. М., 2001. С. 413.
- ⁷ Там же. С. 39.
- ⁸ НИОР РГБ. Ф. 613. К. 10. Ед. хр. 1. Л. 121.
- ⁹ Подробнее см.: Всеволод Иванов. “Бронепоезд 14-69”: Контексты эпохи. М., 2018.
- ¹⁰ Иванов В. С. Кондратий Худяков // Иванов В. С. Собрание сочинений: в 8 тт. Т. 8. М. 1978. С. 278-279.
- ¹¹ Единая Россия. 1919. № 4. Цит. по: Всеволод Иванов. “Бронепоезд 14-69”: Контексты эпохи. С. 638.

- ¹² Подробнее о Ю. Сопове см.: Штырбул А. А. Дожить до сентября. Судьба поэта Юрия Сопова: историко-литературное исследование. Омск, 2015.
- ¹³ Иванов В.с. Кондратий Худяков. С. 274.
- ¹⁴ Там же. С. 281.
- ¹⁵ Земля и труд. Курган, 1918. 1 июня. С. 3. Цит. по: Всеволод Иванов. “Бронепоезд 14-69”: Контексты эпохи. С. 630.
- ¹⁶ Цит. по рукописи из семейного архива.
- ¹⁷ Цит. по: К вопросу о политике РКП(б) в художественной литературе. М., 1924. С. 106-107.
- ¹⁸ Иванов В.с. Сергей Есенин // Иванов В.с. Собрание сочинений. Т. 8. С. 299.
- ¹⁹ Подробнее см.: Всеволод Иванов. “Бронепоезд 14-69”: Контексты эпохи. С. 30-39.
- ²⁰ Вторая редакция романа “Эдесская святыня” цитируется по машинописи из семейного архива с указанием листов в скобках.
- ²¹ Сибирская речь. Омск, 1919. 14 янв. Цит. по: Всеволод Иванов. “Бронепоезд 14-69”: Контексты эпохи. С. 636.
- ²² Иванов В.с. Дневники. М., 2001. С. 100.
- ²³ Там же. С. 132.
- ²⁴ Там же. С. 258.
- ²⁵ Там же. 362-363.
- ²⁶ НИОР РГБ. Ф. 673. К. 10. Ед. хр. 1. Л. 40.
- ²⁷ Там же. Л. 102.
- ²⁸ Там же. Л. 11.
- ²⁹ Там же. Л. 126.
- ³⁰ Там же. Л. 126.
- ³¹ Там же. Л. 109.
- ³² Там же. Л. 13.
- ³³ Там же. Л. 113.
- ³⁴ Литературная энциклопедия. Т. 4. М., 1930. С. 402-403.
- ³⁵ Иванов В.с. Дневники. С. 43-44.
- ³⁶ Там же. С. 393.
- ³⁷ Там же. С. 456-457.
- ³⁸ Львов-Рогачевский В. Новый Горький. Всеволод Иванов // Современник. 1922. № 1. С. 159.